

УДК 809.452.1-4

А. Н. Куклин*Марийский государственный университет, Йошкар-Ола***РАЗНОВИДНОСТИ АССИМИЛЯЦИИ ГЛАСНЫХ И СОГЛАСНЫХ
В РЕЧЕВОМ ПОТОКЕ ЛУГОВЫХ И УРАЛЬСКИХ МАРИ**

Диалектная система лугового наречия марийского языка охватывает моркинско-сернурский, волжский, йошкар-олинский говоры. К луговому наречию, по мнению Л. П. Грузова, примыкает также сардаяльско-арборский говор, имеющий ряд общих черт с восточным наречием. И. Г. Иванов, придерживаясь предварительных выводов, содержащихся в итогах диалектической экспедиции Н. Т. Пенгитова, в состав лугового наречия включает уржумский говор, распространенный в Уржумском районе Кировской области и в части Мари-Турекского района Республики Марий Эл. Язык уральских мари состоит из двух говоров: красноуфимского и кунгурского. Уподобление гласных и согласных звуков в речевом потоке луговых и уральских мари является главной закономерностью марийской фонетической системы. В восточномарийских диалектах гармония гласных основывается на признаках ряда и огубленности, в связи с чем соответственно различаются две разновидности сингармонизма: палатально-велярная и лабиальная. По закону палатально-велярной гармонии в слове могут выступать гласные только одного ряда. Тем не менее почти в каждом говоре обнаруживаются случаи, не подчиняющиеся этой закономерности. Так, в основных говорах лугового наречия особое безразличие по отношению к предшествующим звукам проявляют среднерядные [а], [ы], в красноуфимском говоре к таковым относятся переднерядные [и], [э]. Лабиальная гармония тесно связана с палатально-велярной: конечный гласный слова (словоформы) уподобляется ударному гласному не только по огубленности или неогубленности, но и по принадлежности к тому или иному ряду. Уподобление соседствующих звуковых сегментов или близкостоящих согласных звуков – одно из фонетических явлений консонантизма. В зависимости от структуры и особенностей фонетической системы диалектов марийского языка оно проявляется по-разному: по звонкости или глухости, способу образования и месту артикуляции. Оно может быть частичным или полным, проявляться в прогрессивном или регрессивном направлении.

Ключевые слова: луговые и уральские мари, гласные и согласные, речевой поток, ассимиляция, гармония, сингармонизм, уподобление, палатально-велярная гармония, лабиальная гармония, взаимная ассимиляция, модификация звуков, исконные слова, заимствованная лексема, части композиты, словосложение, язык-источник

Луговое наречие марийского языка включает в себя следующие говоры: моркинско-сернурский (распространен на территории Моркинско-го, Сернурского, Новоторъяльского, Куженерского, Параньгинского, Мари-Турекского и части Советского районов Республики Марий Эл), волжский (на территории Волжского и Звениговского районов РМЭ), йошкар-олинский (на территории Медведевского, Оршанского, также Советского районов РМЭ и Пижанского района Кировской области).

По мнению Л. П. Грузова, к луговому наречию примыкает также сардаяльско-арборский говор, который занимает часть Мари-Турекского района и имеет общие черты с восточным наречием [5, с. 46–48].

Придерживаясь предварительных выводов, содержащихся в итогах диалектологической экспе-

диции Н. Т. Пенгитова [13, с. 184], И. Г. Иванов в состав лугового наречия включает уржумский говор, который, как он полагает, распространен в Уржумском районе Кировской области и части Мари-Турекского района Республики Марий Эл [7, с. 50–51].

Язык уральских мари включает в себя красноуфимский и кунгурский говоры. Первый охватывает Артинский, Красноуфимский, Нижнесергинский районы Свердловской и ряд деревень Октябрьского района Пермской областей.

Кунгурский говор распространен на территории Ачитского района Свердловской и Суксунского района Пермской областей.

1. Сингармонизм гласных

Уподобление гласных одно из разновидностей ассимиляции звуков в области вокализма

характерно для многих агглютинативных языков, в частности тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, отдельных финно-угорских. Установлено, что фонологическая природа сингармонизма во всех алтайских языках принципиально одинакова, различия усматриваются лишь в том, по какому вокалическому признаку он проводится в данном языке [17, с. 72].

По вопросу о происхождении гармонии гласных, как отмечает А. М. Щербак, существует фактически одна точка зрения, объясняющая возникновение ее необходимостью фонетического выражения смысловой целостности слова. Она, как он далее уточняет, была высказана впервые А. Шлейхером и нашла себе сторонников в лице В. В. Радлова, Л. Адама, И. А. Бодуэна де Куртене и других. Анализируя выводы перечисленных лингвистов, А. М. Щербак отмечает, что они выделяют гармонию гласных той функцией, которая во многих других языках присуща ударению. Об этом недвусмысленно говорит В. В. Радлов: «Задача резко выделяемого ударения в индоевропейских языках – группировать слоги и корни в единое целое, в урало-алтайских и главным образом в тюркских языках выпадает на долю гармонии гласных» [18, с. 70].

В тюркских языках, как подчеркивает А. М. Щербак, господствует бинарный тип гармонии: нёбная (палатально-велярная) и губная (лабиальная). Нёбная гармония гласных считается очень древним явлением и прослеживается во всех тюркских языках, кроме караимского и узбекского. Лабиальная гармония гласных, в отличие от нёбной, возникла относительно поздно, наиболее полно она выражена в киргизском языке [18, с. 70–72].

В марийском языке и его диалектах уподобление гласных основывается на признаках ряда и огубленности, в связи с чем соответственно различаются две разновидности гармонии: палатально-велярная и лабиальная.

1.1. Палатально-велярная гармония

По закону палатально-велярной гармонии в слове могут выступать гласные только одного ряда [4, с. 140–142; 5, с. 138–140; 8, с. 21; 2, с. 32].

Тем не менее почти в каждом говоре обнаруживаются случаи, не подчиняющиеся этой закономерности. Так, в основных говорах лугового наречия особое безразличие по отношению к предшествующим звукам проявляют гласные [а], [ы] [5, с. 139; 2, с. 37].

В красноуфимском говоре (КУ) восточного наречия к таким относятся переднерядные [и], [э],

не имеющие заднерядной параллели. Будучи нейтральными в отношении гармонии гласных, они могут употребляться как после палатальных, так и после велярных гласных: пәри• «нечистая сила», йори•ак «нарочно», пуди• «клещ», көгэрчэ•н «голубь», л'а•мбэ «налим», пачэ•мшэ «оса», порэмда•ш «лечить». Аналогичные случаи представлены в горном и северо-западном наречиях. Характеризуя их в диалектах западного типа, И. С. Галкин пришел к выводу, что нейтральность [э], [и] в отношении сингармонизма является следом домарийского явления [2, с. 37].

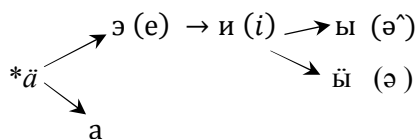
Однако, как бы то ни было, гармония гласных по ряду в КУ проявляется наиболее четко. Исключения составляют новорусизмы, имеющие в говоре четко выраженную тенденцию к разрушению (деградации) гармонии. Особенно отчетливо это прослеживается в речи представителей младшего и среднего поколений, старающихся максимально приблизить произношение иноязычных слов к фонетическому облику оригинала: вэлос'ипэ•т «рус. велосипед, суши•лка «рус. сушилка».

Этот фонетический закон строго соблюдается в старорусизмах, тюркизмах и словах исконно марийской лексики, например: вүт (орф. вүд) «вода» – вүдә•н «водянистый», вүдәндә•ш «делать водянистым»; тин' «ты» – ти•н'бим «тебя», ти•н'бин «твой»; ак «цена», общемар. *ак ~*хак «булг. (др. – чув.) *хак «цена» [3, с. 66] – акла•ш «ценить», аклалта•ш «цениться»; шү•вбир «волынка» «чув. шәпәр «волынка» – шү•вбирз'ө «играющий на волынке»; кө•зл'бик «очки» «тат. күзлек «очки» – кө•зл'биклән «за очками», кө•зл'бикшө «его очки»; виә•лкә «велялка» «рус. обл. виелка [14, с. 80] – виә•лкәлән «за велялкой»; чә•йин'бик «рус. чайник – чә•йин'бикбиш «в чайник». Здесь велярный сингармонизм по своему направлению прогрессивен: гласный начального слога уподобляет себе гласный последующих слогов по ряду, а также в огласовке всей словоформы (всего слова) доминирующее положение занимает фонетический облик корневой морфемы, придающий соответствующую окраску аффиксам.

Однако прогрессивный сингармонизм не единственно возможный вид ассимиляции: КУ свойственно и обратное явление – регрессивная гармония, при которой гласные последующих слогов оказывают влияние на предшествующие, например: вичә•мбә•лнэ «на сеновале» «вича• + үмба•лнэ, кын'эрә•ш «мера ниток», пүгү•л'мө «шишки хвойных деревьев «пу + кү•л'мө [8, с. 27], шәргү• «галька, камешек» «шар + кү, шәрги•шкә

«волосатик» <шар + ки•шкэ. Действие обратной гармонии распространяется и на русизмы красноуфимского говора, ср.: вака•л <рус. бокал, кайз'э•т <рус. газета, кэрз'инка• <рус. корзинка, шайитлэ•ш <рус. шалить, шаз'и•н <рус. сажень.

В говорах лугового наречия в указанных словах регрессивная ассимиляция гласных не наблюдается. Нарушение гармонии в них произошло с исчезновением широкого переднерядного гласного [ä] в сторону среднерядности. Его изменение можно продемонстрировать следующей схемой:

Ср. ф.-у. * leštä «лист», фин. lehti, эст. leht, кильмез. лишташ, марЛ. лышташ, мар СЗ лыштэ•ш, марГ Ылыштэ•ш, венг. lap «лист».

Что касается среднерядных [ы], [а] в говорах лугового наречия, то в отношении гармонии гласных они являются нейтральными и могут употребляться как с переднерядными, так и с заднерядными гласными, например: и•дым «гумно» – и•дымыштэ «в гумне»; о•лым «солома» – олым•н «соломенный».

Из непроемных исконно марийских слов, как подчеркивает Н. И. Исанбаев, действием обратной гармонии гласных охвачены лишь некоторые местоимения в форме дательного падежа, например: марЛ. шкаланна «нам самим» из шкэ+лан+на, менз. малам «мне» из мьн'+лан+эм, талат «тебе», из тьн'+лан+эт [8, с. 27].

1.2. Лабиальная гармония

Она тесно связана с палатальной: конечный гласный слова (словоформы) уподобляется ударному гласному не только по огубленности или неогубленности, но и по принадлежности к тому или иному ряду [4, с. 143; 5, с. 140], например: во•чко «бочка», кно•пка «кнопка», тў•мырз'ө «барабанщик», шб•рыштб «на краю». Ударному гласному нередко уподобляются и гласные середины слова: КУ ву•йгучунжо «с его (ее) головы», ну•гудо «густой». С переходом ударения на неогубленный гласный изменяется фонетический облик конца слова: ку•пышто «в болоте» – купла•штэ «в болотах». Ассимиляция, основанная на воздействии ударного гласного на конечный, не всегда последовательно соблюдается в новорусизмах, где имеет место иной способ уподоб-

ления: здесь огласовка конечного гласного не зависит от качества ударного, а определяется артикуляционными признаками того гласного, который оказывается ближайшим к исходному: если лабиальные [o],[y], то в позиции конца слова появляется [o], если же иллабиальные – то [э] [12, с. 140]: механ'иза•тор – механ'иза•торжо, а•вгуст – а•вгустшо, исто•чн'ик – исто•чн'икшэ. В отличие от говоров лугового наречия и литературного языка в КУ наблюдается тенденция ставить словесное ударение на завершающем слоге слова: корно• – марЛ ко•рно «дорога», кўжгб• – марЛ кў•жгб «толстый», понго• – марЛ по•нго «гриб», пбртбштбжб• – марЛ пб•ртыштыжб «в его (ее) доме, шўртб• – марЛ шў•ртб «нитка, нитки». Такая особенность не нарушает стройную систему лабиальной гармонии прогрессивного характера, но конечный гласный, принимая на себя ударение, перетягивает и регулирующий центр механизма уподобления. Ассимиляция идет уже в направлении от конца слова к его началу (регрессивная лабиальная гармония): КУ йланка• <рус. голландка, команда• «семья» <рус. команда•. При сохранении ударения на одном из последних слогов заимствованных слов функциональная возможность уподобления возрастает: рово•чи <рус. рабо•чий, розво•н'ык <рус. разбо•йник, чоко•н' <рус. чехо•нь, чолово•т <рус. пчелово•д, чесно•к <рус. чесно•к. Уподобление такого порядка осуществляется в структуре русизмов, т. е. данный процесс стал активизироваться на позднем этапе развития красноуфимского говора.

Приведенный материал показывает, что обе разновидности сингармонизма являются живой действующей нормой говоров лугового наречия и красноуфимского диалекта марийского языка. В зависимости от направления процесса уподобления они подразделяются на прогрессивный и регрессивный: первый широко распространен в исконно марийских и иноязычных словах, второй – в заимствованных лексемах.

2. Ассимиляция согласных

Уподобление соседствующих звуковых сегментов или близкостоящих согласных звуков – одно из фонетических явлений консонантизма. В зависимости от структуры и особенностей фонетической системы в конкретных языках оно проявляется по-разному. Так, в мишарском диалекте татарского языка выделяются три типа ассимиляции – губная, носовая и по участию голоса [10, с. 101], в демском говоре башкирского языка ассимиляция аффиксальных согласных

проявляется лишь по линии сонорных [11, с. 193–194]. Здесь, однако, у тюркологов возникает существенный вопрос: можно ли говорить и сингармонизме в отношении согласных? По их мнению, адекватный ответ на этот вопрос нашел Н. К. Дмитриев, который разъяснил суть сингармонизма следующим образом: «Сингармонизм делится на гармонию гласных и согласных. Гармония согласных заключается в ассимиляции согласных по звонкости и глухости: после конечных согласных корня (основы) должны следовать начальные звонкие согласные аффикса и обратно» [6, с. 39–40; 16, с. 436].

В марийском языке в силу особенностей его артикуляционной базы уподобление звуков происходит по звонкости или глухости, способу образования [4, с. 232; 5, с. 189] и месту артикуляции. Оно может быть частичным или полным, проявляться в прогрессивном или регрессивном направлении.

2.1. В модификации согласных звуков КУ не имеет существенных отличий от других марийских диалектов. Из всех видов уподобления согласных в нем наиболее распространена прогрессивная ассимиляция по участию голоса. Суть ее состоит в том, что глухие согласные подвергаются ассимилятивным воздействиям и озвончаются, оказавшись в позиции после сонорных, а также звонких [з], [з'], [ж]. После других согласных они сохраняют глухость. Такого рода ассимиляция представляет собой древнее и весьма распространенное фонетическое явление, поэтому ее действию подчиняются как исконные слова, так и заимствованные. Она может происходить в ряде случаев.

2.1.1. В корне (или основе) слова. Эта закономерность выявляется при сравнении марийских лексем с аналогичными словами родственных языков. Так, в истории марийского языка глухие смычные [т], [к], [п] в середине слова в сочетаниях [-нт-], [-нк-], [-тп-] под ассимилятивным влиянием сонантов озвончились соответственно в [д], [г], [б]: конда•ш «приносить, приводить», ср. ур. *kanta- [19, с. 56]; о•нго «пегля», ср. ф.-у. *oŋke [19, с. 57]; шо•нго «старый», ср. ф.-у. *soŋkz ~ *soŋz [19, с. 57]; ло•мбо «черемуха», ср. удм., коми льом пу «черемуха», шу•мба «ботало», ср. фин. sompa «кружок лыжной палки».

В русских заимствованиях такое уподобление происходит по аналогии с исконными словами: кондо•р «контора, кондрол'о•р «контролер, з'ил'инга• «дранка, дрань» (рус. обл. зелинка

[14, с. 192, 154], комба•с < компас, комблэ•кт «комплект, комбо•ст < компост, комбрэ•с < компресс, ла•мбэ «лампа».

2.1.2. На стыке основы и словообразующего или словоизменительного аффикса. В результате такого уподобления многие аффиксы стали иметь параллельные формы, начинающиеся либо с глухой, либо со звонкой согласной фонемы.

Первичны глухие, звонкие фонемы обязаны своим происхождением ассимилятивным воздействиям предшествующих сонорных или согласных [з], [з'], [ж] [9, с. 201]: когарга•ш «подгореть» – рoшткa•ш «ломать», ўшэндәрә•ш «уверять» – чактара•ш «пятить», йоргэ• «ручьём» – рошткэ• «чеканя шаг» [2, с. 113–116, 135–136, 140], ко•лжо «его (ее) рыба, рыба-то» – лу•кшо «его (ее) угол, угол-то», лўмжō• «его (ее) имя, имя-то» – пōртшō• «его (ее) дом, дом-то», то•лза «приходите» – ко•тса «оставайтесь», то•лжо «пусть придет» – ко•тшо «пусть останется», йо•лдымо «безногий» – ки•ттымэ «безрукий», тазда• «ваш таз» – ут'у•кта «ваш утюг». Встречаются слова, в которых даже при наличии благоприятных условий глухие согласные некоторых аффиксов не подчиняются прогрессивной ассимиляции по участию голоса. Поэтому в одной и той же лексеме могут соседствовать резко различающиеся по звонкости или глухости согласные звуки. Такое произношение свойственно в различной мере говорам лугового наречия: пурта•ш «впустить» – пура•ш «входить», ши•жымсэ «осенний» – ши•жым «осенью», шонкала•ш «раздумывать» – шона•ш «думать», шы•лшэ «прячущийся» – шыла•ш «прятаться, спрятаться», увертара•ш «известить» – увэ•р «известие, новость». Примеры свидетельствуют о том, что строгая регулярность в уподоблении последующего глухого предшествующему сонанту нарушается стремлением к сохранению прежнего звукового облика [9, с. 203].

2.1.3. На стыке частей композиты. При словосложении начальный глухой согласный второго компонента композиты подвергаются прогрессивной ассимиляции по участию голоса, если окажется рядом с сонорным или с одним из звонких [з], [з'], [ж] конца предшествующего компонента, в соседстве же с любым другим согласным он сохраняет первоначальную глухость: вашпо•лыш «взаимопомощь», вўрго•рно «кровеносный сосуд» < вўр «кровь» + ко•рно «дорога», идымбэ•чэ «огород» < и•дым «гумно» + пэ•чэ «изгородь», йолварн'а• «пальцы ног» < йол «нога» + парн'а «палец», йолго•рно «тропинка» < йол «нога» +

ко•рно «дорога», пижго•м «рукавицы» < пиж «варежки» + ком «корка», сонарвы•л «радуга», ср. марЛ шонанпыл, шүкшондалву•ч «вех ядовитый» < шүкшонда•л «дьявол, черт» + пуч «стебель», урэмбэ•чэ «палисадник» < урэ•м «улица» + пэ•чэ «изгородь».

2.1.4. В предложении (на границе двух слов, т. е. конца предыдущей и начала последующей) ассимилятивные процессы идут в таких же фонетических условиях, как и при словосложении. Такое уподобление звуков квалифицируется как сандхи, которое, как правило, имеет две разновидности: изменение при сочетании двух слов (внешнее сандхи), изменение группы фонем при сочетании морфем (внутреннее сандхи). Наиболее отчетливо явления сандхи проявляется в послеложных конструкциях и на стыке полнозначных слов, относящихся к одной и той же синтагме: д'эр гоч «через озеро» – куп коч «через болото», и•дым гыч «из гумна» – лэ•ваш кыч «из сарая», ло•мыж дэнэ «золотой» – вэ•н'ык тэнэ• «веником», сүмүрлэ•н гайа «развалится» – по•чылт кайа• «распахнется», тул ган'э• «как огонь» – шүч кан'э• «как сажа», кум гэ•чэ «три дня» – кут кэ•чэ «шесть дней», кож дүнэ•ш «на комле елки» – кы•мызлык түнэ•ш «на стебле кислицы».

2.2. Исследованиями установлено, что уподобление предшествующего шумного согласного последующему сонорному марийскому языку не свойственно [4, с. 235; 5, с. 191; 9, с. 191].

Живая диалектная речь допускает регрессивную ассимиляцию по признакам звонкости. Правда, спорадический характер этого процесса не позволяет сделать вывод об окончательном его укоренении. Такая картина в настоящее время наблюдается в единственном слове погрева•л < рус. покрывало, где озвончение [к] продиктовано индущирующим воздействием начального сегмента дрожащего [р]. В древности это явление, видимо, еще не имело места, так как в исконных лексемах следы его не обнаружены. Данный вид уподобления следует считать инновационным, находящимся в стадии развития.

2.3. Действие регрессивной ассимиляции по глухости протекает намного шире. Суть ее заключается в том, что в основе слова последующий согласный уподобляет себе по глухости предшествующий звонкий: йылгышта•ш «наводить блеск» – йылгыжа•ш «блестеть», йо•тшо «спрашивающий, пусть спрашивает» – йода•ш «спросить» – йо•тса «спрашивайте», кормышта•ш «брат (взять) в горсть» – кормыжэ•ш «в горсть», ко•тшо

«оставшийся, пусть останется» – кода•ш «оставаться» – ко•тса «оставайте», ылышта•ш «оживить» – ылыжа•ш «оживиться».

В словах, вошедших из русского языка, регрессивная ассимиляция по глухости языка-источника сохраняется: крушка• (-шк-) < крушка (орф. кружка), нэ•дотка•

(-тк-) «сеть для ловли рыбы» < недотка (недодка), посатка• (-тк-) < посатка (посадка), трупка• (-пк-) < трупка (трубка). Кроме того, в КУ нередки разные фонетические варианты одного и того же слова: апта•вус (-пт-) – афто•бус (-фт-) < автобус, апто•граф (-пт-) – афто•граф (-фт-) < автограф. Необходимо уточнить, что первый бытует в речи людей старшего возраста, слабо владеющих русским языком, второй – в речи лишь среднего и молодого поколений, пользующихся активной формой двуязычия. Отдельные заимствования типа картопка• (-пк-) < рус. Обл. картошка (-фк-), орф. ножовка имеет общедиалектный характер и устойчиво сохраняют старую форму даже в речи лиц, освоивших произношение инновационного [ф].

2.4. Помимо этого имеется несколько случаев регрессивной ассимиляции по способу образования и месту артикуляции. Конечный согласный основы уподобляется начальному звуку глагольного окончания: тўссä «закрывают» – тўчä•ш «закрывать», шупсса• «тяните» – шупша•ш «тянуть». Такого рода уподобление может происходить и на стыке двух полнозначных слов: пэс_сай «очень хорошо» – пэш и сай. Степень этой ассимиляции различна: у части представителей красноуфимского говора – полная (примеры см. выше), у другой же – неполная, и при этом предшествующий согласный сохраняет шипящий призвук (ср. соответственно тўчшä•, шупшсса•, пеш сай) – это относится к индивидуальным особенностям произношения.

2.5. Взаимная ассимиляция

Фонологическая сущность такого вида уподобления выражается в следующем: в сочетаниях двух согласных предшествующий сначала уподобляется последующему по месту артикуляции, а затем он ассимилирует последующий за ним глухой по признаку звонкости. Так, действие двусторонней регрессивно-прогрессивной ассимиляции проявляется в словах нангайа•ш «унести, увезти» < на•лын «взяв» (при словосложении звукосочетание [-лы-] выпадает) + кайа•ш «уйти», тэнгэ•чэ < *тэнкэчэ «вчера» [2, с. 23].

Этой закономерности в КУ подчиняются и отдельные старорусизмы: пил'ангä• – вид гриба (рус. обл. белянка [14, с. 42], поминга• «поминки, сапэнга• «запонки, саслонга• «заслонка, чосынга• «чесанки. Изменение гетероорганического сочетания [-нк-] на марийской почве произошло под действием взаимной контактной ассимиляции по месту артикуляции и звонкости.

Итак, для КУ и говоров лугового наречия характерны все виды уподобления согласных, свойственные марийскому языку. Более широкое распространение получила прогрессивная ассимиляция по участию голоса, регрессивное уподобление по звонкости-глухости менее регулярно. Указанным закономерностям подчиняются как собственно марийские, так и заимствованные слова.

*Сокращенные названия
языков и диалектов*

булг. – болгарский язык;
венг. – венгерский язык;
др.-чув. – древнечувашский язык;
кильмез. – кильмезский говор восточного наречия марийского языка;
марГ. – горное наречие марийского языка;
марЛ. – луговое наречие марийского языка;
менз. – мензелинский говор восточного наречия марийского языка;
обл. – областное слово;
рус. – русский язык;
тат. – татарский язык;
удм. – удмуртский язык;
ур. – уральский праязык;
фин. – финский язык;
ф.-у. – финно-угорские языки;
чув. – чувашский язык;
эст. – эстонский язык.

1. Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка: морфология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1996. Ч. 2. 168 с.

2. Галкин И. С. Особенности гармонии гласных в горном и северо-западном наречиях марийского языка и причины их возникновения // Вопросы марийского языка. Вопросы марийской диалектологии / Тр. МарНИИ. Йошкар-Ола, 1981. Вып. 49. С. 31–43.

3. Гордеев Ф. И. Этимологический словарь марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979. Т. 1: А – Б. 256 с.

4. Грузов Л. П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964 (на обложке 1965). 244 с.

5. Грузов Л. П. Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика: учеб. пособие для вузов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1969. 212 с.

6. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.: Л., 1948. 276 с.

7. Иванов И. Г. Марий диалектологий: университеттесе студент-влаклан тунемме книга. Йошкар-Ола, 1981. 99 с.

8. Исанбаев Н. И. Гармония гласных и ее виды в марийском языке // Вопросы марийского языка. К шестидесятилетию со дня рождения проф. Н. Т. Пенгитова / МарНИИ. Йошкар-Ола. С. 18–31.

9. Лаврентьев Г. И. Ассимиляция согласных в волжском говоре марийского языка // Советское финно-угроведение. Журнал АН Эстонии. Таллин, 1966. № 2 (II). С. 201–207.

10. Махмутова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. М.: Наука, 1978. 271 с.

11. Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1979. 272 с.

12. Патрушев Г. С. К вопросу о русско-марийских языковых контактах // Вопросы финно-угроведения: Лингвистика, фольклористика, этнография, археология. Йошкар-Ола, 1970. Вып. 5. С. 134–141.

13. Пенгитов Н. Т. Итоги марийской диалектологической экспедиции МарНИИ 1957 года // Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Йошкар-Ола, 1960. Вып. XIII. С. 177–188.

14. Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1964. Т. I: А – И. 192 с.

15. Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1971. Т. II: К – Н. 215 с.

16. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1984. 485 с.

17. Черкасский М. А. Тюркский вокализм сингармонизм. Опыт историко-типологического исследования. М.: Наука, 1965. 143 с.

18. Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.: Наука, 1970. 204 с.

19. Alvre P. Uurali keelte, ajaloolise foneetika harjutusülesanded ja materjalid (konsonantühendid). Teine trükk. Tartu. 1981. 116 lk.

Статья поступила в редакцию 25.01.2016 г.

Для цитирования: Куклин А. Н. Разновидности ассимиляции гласных и согласных в речевом потоке луговых и уральских мари // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 1 (21). С. 104–111.

Об авторе

Куклин Анатолий Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, markaf@marsu.ru

A. N. Kuklin

Mari State University, Yoshkar-Ola

TYPES OF ASSIMILATION OF VOWELS AND CONSONANTS IN THE SPEECH FLOW OF THE MEADOW AND URAL MARI

Dialect Meadow Mari language system covers the Morki-Sernur, the Volga, and the Yoshkar-Ola patois. The Meadow dialect, according to L. P. Gruzov, joins the Sardayal-Arbor dialect, which has a number of features in common with the Eastern dialect. I. G. Ivanov, adhering to the preliminary findings of the dialectical expedition of N. T. Pengitov, includes the Urzhum dialect prevalent in Urzhumsky District of the Kirov region and in a part of Marie-Tureksky district of the Republic of Mari El, in the dialect of the Meadow Mari. The Ural Mari language consists of two dialects: Krasnoufimsk and Kungur. Assimilation of vowels and consonants in the speech stream of Meadow and Ural Mari is the main regularity of the Mari language phonetic system. Vowel harmony in the Eastern Mari dialect is based on the characteristics of row and labiality. In this connection, the two species of vowel harmony can be distinguished: palatal-velar and labial. According to the law palatal-velar harmony, vowels from one row can act in a word. Nevertheless, cases are not subject to this rule are found in almost every dialect. So, in the Meadow dialects particular indifference to the previous ones show speech sounds from the middle row: [a], [ы] and sounds from the first row [и], [э] (in the Krasnoufimsk dialect). Labial harmony is closely associated with palatal-velar. The final vowel of a word (word forms) is assimilated to the stressed vowel, not only in labiality, but as belonging to a particular row. Assimilation of adjacent sound segments or closely facing consonants is one of the phonetic phenomena of consonantism. Depending on the structure and characteristics of the phonetic system of the Mari dialects it is manifested in different ways: by voicing and voicelessness, according to its location and the place of articulation. It can be partial or complete, appear in reverse or forward.

Keywords: the Meadow Mari, the Ural Mari, vowels and consonants, speech stream, assimilation, harmony, vowel harmony, palatal-velar harmony, labial harmony, mutual assimilation, modification of sounds, native words, borrowed lexeme, parts of the composites, compounding, language-source

1. Galkin I. S. *Istoricheskaja grammatika marijskogo jazyka: morfologija* [Historical grammar of the Mari language]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1996, ch. 2, 168 p.

2. Galkin I. S. *Osobennosti garmonii glasnyh v gornom i severozapadnom narechijah marijskogo jazyka i prichiny ih vozniknovenija* [Features of vowel harmony in the mountains and the northwestern dialects of the Russian language and their causes]. *Voprosy marijskogo jazyka. Voprosy marijskoj dialektologii* = Questions of the Mari language. Questions of the Mari dialectology. Tr. MarNII. Yoshkar-Ola, 1981, vyp. 49, pp. 31–43.

3. Gordeev F. I. *Jetimologicheskij slovar' marijskogo jazyka* [Etymological dictionary of the Mari language]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1979, t. 1: A–B, 256 p.

4. Gruzov L. P. *Fonetika dialektov marijskogo jazyka v istoricheskom osveshhenii* [Phonetics of Mari dialects in historical interpretation]. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1964 (na oblozke 1965), 244 p.

5. Gruzov L. P. *Istoricheskaja grammatika marijskogo jazyka. Vvedenie i fonetika* [Historical grammar of the Mari language. Introduction and Phonetics]: ucheb. posobie dlja vuzov. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1969, 212 p.

6. Dmitriev N. K. *Grammatika bashkirskogo jazyka* [Grammar of the Bashkir language]. M.; L., 1948, 276 p.

7. Ivanov I. G. *Marij dialektologij: universitetyse student-vlaklan tunemme kniga*. Yoshkar-Ola, 1981, 99 p.

8. Isanbaev N. I. *Garmonija glasnyh i ee vidy v marijskom jazyke* [Vowel harmony and its species in the Mari language]. *Voprosy marijskogo jazyka. K shestidesjatiletiju so dnja rozhdenija prof. N. T. Pengitova* = Questions of the Mari language. On the Sixtieth Birthday of Professor N. T. Pengitov. MarNII. Yoshkar-Ola, pp. 18–31.

9. Lavrent'ev G. I. *Assimiljacija soglasnyh v volzhskom govore marijskogo jazyka* [Assimilation of consonants in the Volga dialect of the Mari language]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* = Soviet Finno-Ugric studies. Zhurnal AN Jestonii. Tallin, 1966, no. 2 (II), pp. 201–207.

10. Mahmutova L. T. *Opyt issledovanija tjurkskih dialektov. Misharskij dialekt tatarskogo jazyka* [Research experience of Turkish dialects. Mishar dialect of the Tatar language]. M.: Nauka, 1978, 271 p.

11. Mirzhanova S. F. *Juzhnyj dialekt bashkirskogo jazyka* [Southern dialect of the Bashkir language]. M.: Nauka, 1979, 272 p.

12. Patrushev G. S. K voprosu o rusko-marijskih jazykovyh kontaktah [On the question of Russian-Mari language contacts]. *Voprosy finno-ugrovedenija: Lingvistika, fol'kloristika, jetnografija, arheologija* = Questions of Finno-Ugric studies: linguistics, folklore, ethnography, archeology. Yoshkar-Ola, 1970, vyp. 5, pp. 134–141.
13. Pengitov N. T. Itogi marijskoj dialektologicheskoj jekspe-dicii MarNII 1957 goda [Results of the Mari dialectological expedition of the Mari Research Institute in 1957]. *Trudy Marijskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta jazyka, literatury i istorii*. Yoshkar-Ola, 1960, vyp. XIII, pp. 177–188.
14. Slovar' russkih govorov Srednego Urala [Dictionary of Russian dialects of the Middle Ural]. Sverdlovsk: Izd-vo UrGU, 1964, t. I: A–I, 192 p.
15. Slovar' russkih govorov Srednego Urala [Dictionary of Russian dialects of the Middle Ural]. Sverdlovsk: Izd-vo UrGU, 1971, t. II: K–N, 215 p.
16. Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Fonetika [Comparative and Historical Grammar of the Turkish languages. Phonetics], otv. red. Je. R. Tenishev. M.: Nauka, 1984. 485 p.
17. Cherkasskij M. A. Tjurkskij vokalizm singlarmonizm. Opyt istoriko-tipologicheskogo issledovanija [Turkish vowel harmony. Experience of historical and typological study]. M.: Nauka, 1965, 143 p.
18. Shherbak A. M. Sravnitel'naja fonetika tjurkskih jazykov [Comparative phonetics of Turkish languages]. L.: Nauka, 1970, 204 p.
19. Alvre P. Uurali keelte, ajaloolise foneetika harju-tustile-sanded ja materjalid (konsonantühendid). Teine trükk. Tartu. 1981, 116 lk.

Submitted 25.01.2016.

Citation for an article: Kuklin A. N. Types of assimilation of vowels and consonants In the speech flow of the Meadow and Ural Mari. *Vestnik of Mari State University*. 2016, no. 1 (21), pp. 104–111.

About the autor

Kuklin Anatolij Nikolaevich, Doctor of Philology, Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, kudsebs@rambler.ru